

Свен
Линдквист
*Уничтожьте
всех дикарей*

Paulsen

В И Н - С А Л А Х

1. Тебе известно уже достаточно. И мне тоже. Нам не хватает не знаний. Нам не хватает смелости понять то, что мы знаем, и сделать выводы.
2. Тадемаит, «пустыня пустынь», самый страшный район Сахары. Ни признака растительности. Жизнь почти вымерла. Земля покрыта черным блестящим лаком, который жара выдавливает из камня. Поездка на ночном автобусе, единственном между Эль-Голеа и Ин-Салах, занимает, если повезет, семь часов. Пробираясь к пустому сиденью, сталкиваешься примерно с полудюжиной солдат в грубых армейских ботинках, учившихся стоять строем на курсах по рукопашному бою алжирской армии в Сиди-бел-Аббе. Здесь тот, кто тащит у себя на плече квинтэссенцию европейской мысли, вогнанную в старенький компьютер, явно обречен на поражение.

На повороте к Тиммимуну через дырку в стене нам падают горячий картофельный суп и хлеб. Затем разбитая асфальтовая дорога заканчивается, и автобус продолжает ехать по бездорожью пустыни.

Начинается настоящее родео. Автобус ведет себя как полудикая лошадь. Окна дребезжат, рессоры скрипят, автобус спотыкается, бьется о землю, скачет вперед, и каждый такой толчок отдается в жестком диске моего персонального компьютера, что я держу у себя на коленях, а также в межпозвонковых дисках моей собственной спины. Когда сидеть больше невозможно, я встаю и держусь за багажную полку или сажусь вниз на корточки.

Этого я и боялся. Этого я и жаждал.

Ночь под луною невероятна. Час за часом, мимо перекаотов белой пустыни: камень и песок, камень и гравий, гравий и песок – все мерцает как снег. Час за часом ничего не происходит, пока внезапно во тьме не вспыхивает сигнальная лампочка – знак того, что одному из пассажиров нужно остано-

вить автобус, слезть и идти туда, прямо в пустыню.

Звук его шагов исчезает в песках. Он сам исчезает. Мы тоже исчезаем в белой тьме.

3. Квинтэссенция европейской мысли? Да, есть одно такое предложение, простая короткая фраза, лишь несколько слов, суммирующих всю историю нашего континента, нашего человечества, нашей биосферы – от холоцена¹ до холокоста.

Эта фраза ничего не говорит о Европе как об истинном доме гуманизма, демократии и благосостояния на Земле. Она ничего не говорит обо всем том, чем весьма справедливо гордимся мы. Это просто та правда, которую мы предпочли бы забыть.

Я изучал эту фразу несколько лет. Я собрал кучу материала, проработать который никогда не хватало времени. И поэтому я захотел исчезнуть в этой пустыне, где никто не мог бы меня достать, где мне принадлежало бы все время мира, – исчезнуть и не возвращаться до тех пор, пока я не пойму то, что уже мне известно.

4. Я выхожу в Ин-Салах.

Луна больше не блестит. Автобус забирает с собою весь свет и пропадает. Вокруг меня плотная тьма.

Именно здесь, неподалеку от Ин-Салах, был захвачен и ограблен шотландский исследователь Александр Гордон Лэнг. Пять сабельных ран на макушке и три на виске. Скуловая кость прорезала челюсть и раскроила ухо. Страшная рана на шее прорвала гортань, одна пуля засела в бедре, другая задела позвоночник, пять сабельных ударов на левом предплечье и руке, три пальца сломаны, кости на запястье перебиты и так далее.²

Где-то далеко во тьме виднеется огонь. Я волоку свой тяжелый компьютер и еще более тяжелый чемодан по направлению к огню.

Иду через гряды красного, рыхлого, переносимого ветром, песка, собирающегося в кучи на откосе. Я делаю десять шагов, затем еще десять. Огонь не становится ближе.

На Лэнга напали в январе 1825 года. Но у страха нет времени. В семнадцатом веке Томас Гоббс был напуган одино-

чеством, ночью и смертью не меньше, чем я сейчас. «Некоторые люди столь жестоки по природе, – сказал он своему другу Обри, – что находят такое наслаждение в убийстве человека, какое непозволительно даже при убийстве птицы».³

Огонь кажется таким же далеким. Не бросить ли мне компьютер и чемодан, чтобы было легче идти? Нет, я сажусь в пыль и принимаюсь ждать рассвета.

Там, внизу, у земли, легкий ветерок доносит запах горящего дерева.

Или запахи в пустыне столь сильны, что встречаются так редко? Или так усыхает здесь древесина, что горит более пахуче? Огонь, который казался столь далеким моим глазам, подобрался неожиданно близко к моему носу.

Я встаю и бреду дальше.

Наконец добираюсь до людей, сгрудившихся у костра, делаю это с чувством одержанной победы.

Здоровуюсь. Спрашиваю. И в ответ узнаю, что иду совершенно не в ту сторону. Делать нечего, говорят они, надо повернуть обратно.

По своим же следам дохожу до места, где слез с автобуса, и ухожу на юг в ту же тьму.

5. «Страх остается всегда, – говорит Конрад, – Человек может уничтожить в себе все – любовь и ненависть, веру и даже сомнение, но пока он держится за жизнь, он не может уничтожить страх».⁴

Гоббс бы с ним согласился. В этом смысле онижимают друг другу руки, протянутые через века.

Почему я так много путешествую, если так ужасно боюсь путешествий?

Возможно, в страхе и опасности мы ищем более мощного восприятия жизни, более сильной, глубокой формы существования? Я боюсь, следовательно, я существую. И чем сильнее страх, тем весомее ощущается мое «я существую».

6. В Ин-Салах только один отель. Большой дорогой государственный отель «Тидикельт». Когда наконец я до него добираюсь, он может предложить мне лишь маленькую темную

ледяную комнату, где уже давно не работает отопление.

Здесь все, как и повсюду в отелях Сахары: запах сильной дезинфекции, скрип несмазанных дверных петель, полусорванные жалюзи. Такой же шаткий стол с его слишком короткой четвертой ножкой, и тонкий слой песка на столе, на подушке и на умывальнике. Такой же кран, который медленно капает водой только тогда, когда вывернешь вентиль до отказа, и сдается с усталым вздохом, нацедив стакан едва до половины. Кровать застлана в той военной манере, которая вообще не учитывает в человеке наличие ступней, по крайней мере, если они не лежат в одной плоскости с телом; дабы не нарушить девственную несмятость постели, постельное белье большей частью заправлено под матрас, так что одеяло едва доходит до пупка .

Ладно, человек имеет право путешествовать. Но зачем ему ехать именно сюда?

7. ...Звук тяжелых ударов дубинкой по горлу. Хруст, как у раздавливаемой скорлупы, а затем бульканье, когда жертва отчаянно пытается глотнуть немного воздуха...

Утро...

Я просыпаюсь все еще в уличной одежде. Постель красная от песка, который я принес с собою из автобуса.

...Дубинка все так же ломает шею... Последний удар сокрушит мою.

8. Отель врыт в зыбучие пески, он стоит у дороги, что тянется через пустынную равнину. Я с трудом бреду по глубокому песку. Солнце безжалостно печет. От его света глаза слепнут, как во тьме. Воздух трется о мое лицо, потрескивая, как тонкий лед.

До почты около получаса ходу, а оттуда столько же до рынка и банка. Старый город сбился в кучу, защищая себя от солнца и песчаных бурь. Новый же тонко размазан по поверхности, усугубляя своей современной планировкой пустынность Сахары.

Красновато-коричневые глиняные фасады городского

центра оживляются белыми портиками и колоннами, шпицами и карнизами. Этот стиль называют суданским или черным, в честь «Bled es sudan», страны черных*. На самом деле это полностью выдуманный стиль, он был создан французами для Всемирной выставки в Париже в 1900 году и затем завезен сюда, в Сахару. Современная часть города – международный стиль в сером бетоне.

Ветер дует с востока. Мое лицо все еще горит, когда я возвращаюсь в отель. Отель занят преимущественно водителями-дальнобойщиками и иностранцами... Их путь идет или «вверх», или «вниз», как по лестнице. Все расспрашивают друг друга о дороге, топливе, оборудовании, и каждый мысленно озабочен лишь тем, чтобы скорее двинуться дальше.

Я прилепил на стену карту скотчем и принялся разглядывать расстояния. До ближайшего оазиса на западе, Реггана, – 290 км. До оазиса на севере, Эль-Голеа, откуда я приехал, – 400 км дороги по пустыне. 500 км по прямой до Бордж Омар Дрисс, ближайшего оазиса на востоке. До Таманрассет, ближайшего оазиса на юге, – 660 км. 1000 км по прямой до Средиземного моря (самого близкого). 1500 км до моря на западе. А к востоку море так далеко, что вопрос о расстоянии уже неважен.

Всякий раз, когда я вижу эти расстояния, всякий раз, когда я понимаю, что я нахожусь именно здесь, в нулевой точке пустыни, волна радости проходит по моему телу. И именно поэтому я здесь.

9. Только бы у меня получилось включить компьютер! Вопрос в том, пережил ли он тряску и пыль. У меня почти сотня дискет. Маленьких, не больше открытки. Целая библиотека в воздухо-непроницаемых пакетиках. Вся она весит не больше книжки.

В любой момент я могу отправиться в любую точку истории уничтожения: от зари палеонтологии, когда Томас Джефферсон все еще считал непостижимым, чтобы хоть один вид мог пропасть из экономики Природы, до сегодняшнего понимания того, что 99,99 процента видов вымерло, и

большинство – в ходе нескольких массовых катастроф, стерших почти всю жизнь с лица земли.⁵

Вставляю пятидюймовую дискету в щель и включаю компьютер. Экран загорается, и фраза, так долго изучаемая мною, светится во тьме комнаты.

Слово «Европа» происходит от семитского слова и означает оно просто «тьму».⁶ Та фраза, что сияет на экране – воистину европейская. Эта мысль прошла длинный путь, прежде чем на рубеже веков (1898-1899) ее наконец сформулировал польский писатель, который часто думал по-французски, но писал по-английски: Джозеф Конрад.

Куртц, главный герой конрадовского «Сердца тьмы», завершает свое эссе о цивилизаторских задачах белого человека среди африканских дикарей постскриптумом, в котором кратко резюмируется все содержание его высокопарной риторики.

И эта фраза светится на меня с экрана:

«Exterminate all the brutes» – «Уничтожьте всех дикарей».

10. Латинское *extermino* означает «выводить за пределы», *terminus*, «изгонять, прогнать, исключать».

В шведском этому слову нет прямого эквивалента. На его месте шведы вынуждены употреблять *utrota*, хотя на самом деле это совсем другое слово, «искоренить», которое в английском передается *extirpate*, от латинского *stirps*, «корень, племя, семья».

И в английском, и в шведском объектами такого действия редко становятся отдельные индивиды, скорее – целые группы, такие как сорняки, крысы или люди. Выражение *all the brutes* переводилось бы на старошведский как «всех диких зверей». Действительно, слово *brute* вполне может означать «дикий зверь». Оно означает животное и подчеркивает в нем самое звериное.

Африканцев называли «животными» с самых первых встреч с ними, когда европейцы описывали их как «грубых и скотоподобных», «похожих на диких зверей», «более звероподобных, чем те звери, на которых они охотятся».⁷

В соответствии с современным переводом слово *brute* имеет также смысл ругательства – «скотина». Я хочу сохра-

нить первоначальный «брутальный» смысл этой фразы и на переводе её так: «уничтожить всех скотов».

- 1 1. Несколько лет назад я было решил, что обнаружил источник конрадовской фразы у великого либерального философа Герберта Спенсера.

В своей «Социальной статистике» (1850) он пишет, что заслугой империализма перед цивилизацией является то, что тот стер низшие расы с лица земли. «Силы, трудящиеся над осуществлением великой схемы совершенного счастья, не принимают во внимание отдельные случаи страдания и уничтожают ту часть человечества, которая стоит на их пути... Будь он человеком или зверем-дикарем – препятствие должно быть устранено».⁸

Здесь мы находим и цивилизаторскую риторику Куртца, и два ключевых слова *уничтожить* и *дикарь* (*exterminate* и *brute*); человеческое же существо недвусмысленно ставится на один уровень с животным в качестве объекта уничтожения.

Мне казалось, я сделал скромное, но изящное академическое открытие, достойное того, чтобы всплыть однажды короткой сноской в истории литературы: «объяснение» фразы Куртца спенсеровскими фантазиями об уничтожении. Последние же, в свою очередь, как я думал, являлись частными причудами, вероятно, объяснимыми тем фактом, что все братья и сестры Спенсера умерли, когда он был еще ребенком. Безмятежное и успокаивающее умозаключение.

- 1 2. Если бы я на этом остановился, полагая, что знаю уже достаточно, я бы допустил ошибку. Но я продолжал.

Вскоре выяснилось, что Спенсер был вовсе не одинок в этой своей интерпретации. Она была довольно расхожей, а во второй половине XIX века стала вполне обычной, так что немецкий философ Эдуард фон Гартманн во втором томе своей «Философии бессознательного», который Конрад читал в английском переводе, мог написать следующее: «Искусственно продлевая предсмертные конвульсии дикарей, находящихся на грани вымирания, мы оказываем их чело-

веческой природе не большую услугу, чем собаке, желая удружить которой, мы, вместо того чтобы отрубить ей хвост разом, отрезаем его постепенно, дюйм за дюймом. Настоящий гуманист не может не желать ускорить вымирание диких народов и не содействовать этой цели.⁹

В то время эта выраженная здесь словами Гартманна точка зрения была едва ли не общим местом. Причем ни ему, ни Спенсеру лично не было присуще никакого человеконенавистничества. А вот Европе, в которой они жили, – да.

Фраза «уничтожить всех скотов» находится не дальше от центра гуманизма, чем Бухенвальд от дома Гёте в Веймаре. Эта теория оказалась практически полностью вытесненной, в том числе самими немцами, которых сделали единственно ответственными за идеи уничтожения, которые на самом деле являются общеевропейским наследием.

13. От немецких путешественников по пустыне до меня время от времени доносятся отголоски споров о живом прошлом, которые и сегодня продолжаются в Германии. Этот так называемый *Historikerstreit*, «спор историков», разворачивается вокруг вопроса, «следует ли считать нацистское уничтожение евреев уникальным, единственным в своем роде, или нет?».

Немецкий историк Эрнст Нольте представил «так называемое уничтожение евреев Третьим Рейхом» «ответным действием или искаженной копией, но не оригиналом». Согласно Нольте, оригиналом было уничтожение кулаков в Советском Союзе и сталинские чистки 1930-х гг. Именно их копировал Гитлер.

Сегодня идея о том, что уничтожение кулаков послужило *причиной* уничтожения евреев, насколько можно судить, не находит поддержки; многие исследователи подчеркивают то обстоятельство, что все исторические события являются уникальными и не выступают копиями друг друга. Но сравнение между ними возможно. Так, высвечиваются общие черты и различия между уничтожением евреев и другими случаями массового убийства, начиная с геноцида армян в начале 1900-х гг. вплоть до более недавних зверств Пол Пота.

Однако в этих дебатах никто почему-то не упоминает об уничтожении народа хереро на юго-западе Африки, совершенном немцами в то время, когда Гитлер был еще ребенком. Никто не указывает на такие же случаи геноцида, осуществленного французами, британцами или американцами. Никто не обращает внимания на то, что в то время, когда Гитлер был ребенком, основной составляющей европейского взгляда на человечество было убеждение в том, что «низшие расы» самой природой обречены на вымирание, так что истинное сострадание со стороны высших рас по отношению к ним должно было бы состоять в ускорении этого конца.

Взоры немецких историков, участвующих в этом «споре», похоже, устремлены в одном направлении. Никто и не взглянет на Запад. В отличие от Гитлера. Ведь когда Гитлер искал свое *Lebensraum* на Востоке, он хотел создать не что иное, как континентальный эквивалент Британской Империи. И именно у британцев и у других западноевропейских наций он обнаружил те оригиналы, чьей «искаженной копией», словами Нольте, стало уничтожение евреев.¹⁰